

ПРИНЦИПЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ВЛАСТИ НА РУСИ XIV–XVI вв. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена проблеме наследования великокняжеского стола на Руси XIV–XV вв. и ее отражению в отечественной историографии. Выделены основные этапы становления существующих научных представлений. Обозначены спорные моменты, требующие пересмотра. Получен вывод о возвращении современных исследователей к теоретическим основам, на которых изучение межкняжеских отношений строилось на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: Северо-Восточная Русь конца XIV–XV вв.; межкняжеские отношения; великое княжение; престолонаследие; историография.

Отечественной исторической науке в связи с проблемой «образования единого русского государства» свойствен явно выраженный москвоцентризм. Такая ситуация оказывает влияние на характер изучения вопроса о принципе наследования великокняжеской власти, который изначально изучался на московском материале. Это привело к ощущению некоторой исключительности Москвы. Ряд теоретических построений по данному вопросу носит традиционно идеологизированный характер. На протяжении 200 лет данные представления практически не изменились. Для такого длительного периода развития науки ситуация достаточно нетипичная. По этой причине существует необходимость обратиться к вопросу еще раз и проследить основные этапы формирования устоявшихся взглядов. В этой связи обращают на себя внимание такие аспекты, как представления о традиционном порядке наследования власти; причины их изменения, как они сформулированы исследователями; предполагаемое время изменения принципов наследования великокняжеской власти в Северо-Восточной Руси и, наконец, система аргументации, предложенная историками (факты и теоретические построения).

Вопроса о наследовании старшинства в Северо-Восточной Руси одним из первых коснулся Н.М. Карамзин в связи с событиями 1389 г. Интересно, что исследователь в этом случае обратил внимание не на духовную грамоту (завещание) великого князя Дмитрия Ивановича, а на его мирный договор с двоюродным братом князем Серпуховским и Боровским Владимиром Андреевичем [1. № 11. С. 30–33].

Вывод о появлении новшества при наследовании великого княжения был получен автором на основании той части текста грамоты, которая была посвящена соотношению статусов договаривающихся сторон: князь Владимир Андреевич признавал Дмитрия «отцом», его старшего сына Василия – «старшим братом», второго сына великого князя, Юрия, – «братом», а самых младших сыновей московского князя – «младшими братьями». То есть он был ниже Дмитрия Ивановича и его старшего сына, следовательно, речь идет, как полагал Н.М. Карамзин, о передаче великого княжения по прямой нисходящей линии в обход серпуховского князя [2. С. 60]. Однако отец последнего не только никогда не сидел на великом княжении, но и не держал старшинства даже внутри московской княжеской семьи. В соответствии с традицией Владимир Андреевич уже с начала своего княжения не мог претендовать ни на великокняжеский титул, ни на главенство в отношении племянников.

Интересно, что мысль повторил за придворным историографом и С.М. Соловьев. Он, однако, оговорился, что пример некорректен, но это не помешало лидеру государственной исторической школы использовать аргумент в своих построениях [3. С. 332, 428, 530].

Таким образом, мысль о новом порядке наследования изначально оказалась основанной на недоразумении. Тем не менее авторитет Н.М. Карамзина и, по всей вероятности, привлекательность идеи для монархической России привели к тому, что спорная мысль не была поставлена под сомнение.

С.М. Соловьев, рассматривая развитие древнерусского общества как движение от родового строя к государственному, привязал вопрос о характере великокняжеской власти и принципах ее наследования к общей схеме.

Середина XIII столетия, по мнению исследователя, стала временем начала изменений в межкняжеских отношениях на северо-востоке Руси. Изменения воспринимались им как революционные. На место традиционного старшинства приходит право сильного. Эту мысль историк подтверждал ссылками на изгнание в 1247 г. великого князя Святослава Всеволодовича его племянником Михаилом Ярославичем Хоробритом [Там же. С. 177, 178]; конфликтами великого князя Ярослава Ярославича с братом Василием Ярославичем [Там же. С. 186], а затем и самого Василия с его племянником Дмитрием Александровичем в 1260-е – 1270-е гг. [Там же. С. 187]; наконец, великого князя Дмитрия Александровича с его братом Андреем Александровичем Городецким в 1281–1282 и 1293–1294 гг. [Там же. С. 219–223].

Таким образом, с его точки зрения, началось разрушение родовых отношений. Но замены «старого» принципа наследования великого княжения, по мнению автора «Истории России...», в этот момент не произошло.

Выводы С.М. Соловьева оказались чрезвычайно радикальными. Согласно концепции исследователя «...прежние понятия о праве старшинства исчезают; великие князья показывают ясно, что они добиваются не старшинства, но силы. Каждый князь, получив область Владимирскую, старается увеличить свою собственность за счет других княжеств. Но когда преобладание понятия о собственности, отдельности владения заставляло каждого великого князя заботиться только о самом себе, то все остальные князья не могут уже больше доверять родственной связи, должны также обрести силу, потому что им оставалось на выбор: быть жертвою сильнейшего или других сделать жертвами своей силы» [Там же. С. 218].

Даже в ситуации незнакомства с фактическим мате-риалом можно было бы усомниться в обоснованности такого построения. Описанные условия анархии и вза-имного недоверия князей должны были бы привести к краху системы политических отношений вообще. Но связи не только не распадаются, но и, напротив, стано-вятся со временем более строгими, более жесткими, в пользу чего свидетельствуют правления великих кня-зей Ивана Калиты и Семена Гордого. Борьба же бли-жайшего по очередности претендента, не желавшего ждать своего времени, против старшего князя – явле-ние обычное и для домонгольской Руси. Сила сама по себе не являлась основным источником власти еще и потому, что на исход любой борьбы влияла позиция «царя» – хана Золотой Орды.

Другие аргументы С.М. Соловьева также вызывают вопросы. Он утверждал, что древнему Ростову (т.е. местным князьям) не помогло старшинство при отсут-ствии силы [3. С. 266]. Древность самого Ростова как центра волости не сообщала, однако, старшинства его князьям. Константин Всеволодович был единственным, кто сидел на великокняжеском столе. Его сыновья Ва-силий (Василько) и Всеволод погибли в битве на р. Сити в 1238 г., не пережив своих дядей. Младший Константинович – Владимир – умер в 1249 г., также не пережив младшего из братьев Константина. Таким об-разом, никто из ростовских князей после 1218 г. не за-нимал владимирского великого княжения, и после 1249 г. ни один из представителей данного рода в лю-бом случае претендовать на этот титул не мог.

Более того, как бы не развивались отношения меж-ду младшими и старшими князьями, мы можем видеть соблюдение старшинства в период 1249–1328 гг. за исключением 1293–1294 и 1317–1322 гг. Причем пер-вым случаем можно пренебречь не только ввиду его непродолжительности, но и ввиду того, что с 1294 г. «узурпатор» становился законным великим князем по старшинству.

Основным спорным моментом является временной разрыв между заявленным исследователем крахом ро-дового принципа наследования в середине – первой половине XIII в. и появлением принципа «нового», по-являющегося перед смертью великого князя Дмитрия Ивановича Донского. Если принять на веру эти утвер-ждения, получается, что не менее ста лет на Руси не было никакой системы передачи великокняжеской вла-сти кроме ханской воли. Последнее представляется маловероятным и ввиду упомянутого фактического соблюдения так называемого «старого» принципа по меньшей мере до второй четверти XIV в., и в силу граж-данских войн, происходивших в самой Орде в 1280-х – начале 1300-х гг. Едва ли сарайские ханы или Ногай могли настолько контролировать ситуацию на Руси в это время, чтобы каждый раз после смерти очередного великого князя произвольно определять нового, рискуя оттолкнуть от себя оппонентов последнего.

Пытаясь доказать, что «старые отношения» исчезли, С.М. Соловьев утверждал, что князья в конце XIV в. в своих договорах не руководствовались родовыми сче-тами. Для подтверждения своей мысли он использовал договор Василия I Дмитриевича с великим князем тверским Михаилом Александровичем в 1399 г. [1.

№ 15. С. 40–43]. В данном случае родовых счетов дей-ствительно нет, поскольку договор был заключен меж-ду двумя равными по статусу великими князьями. Но обращает на себя внимание тот факт, что «докончание» это заключено от имени семей, московской и тверской, но не от имени великих князей только. В обоих случаях упоминаются и несколько представителей рода, в том числе боковых ветвей [1. № 15. С. 40–41, 43].

Далее, рассуждая о вокняжении Василия II, иссле-дователь в очередной раз вернулся к вопросу о смене порядка наследования великого княжения. Прежде все-го он отметил, что нарушения принципа старшинства в потомстве Всеволода Юрьевича случались и ранее, но Дмитрий Иванович (Донской), с его точки зрения, «уза-конил» это нарушение [3. С. 428]. Из чего это следует и в чем выразилось такое «узаконение», историк не уточ-нил. Станным выглядит даже сам предполагаемый факт превращения нарушения в закон.

Продолжая свою мысль, исследователь утверждал, что у Василия Васильевича при жизни отца не было своего удела, и, следовательно, удел старшей ветви потомков Ивана Калиты, Коломна, теперь неотделима от великого княжения [Там же. С. 433]. Василий II при жизни отца действительно не имел своего особого уде-ла, что было естественно – к моменту смерти Василия I Дмитриевича его сыну было девять лет. С другой сто-роны, дальнейшие события показали, что коломенский удел воспринимался как территория, отдельная от ве-ликого княжения. Общеизвестно, что в 1433 г. великий князь Юрий Дмитриевич отдал своему племяннику его наследственные владения [4. С. 18].

Еще более неожиданную мысль С.М. Соловьев сформулировал по вопросу о возможной судьбе вели-кого княжения в период борьбы Василия II с Дмитрием Юрьевичем Шемякой. Историк обратился к договору галицкого князя с суздальскими удельными правите-лями Василием и Федором Юрьевичами [1. № 40. С. 119–121]. Старшего из них князь Дмитрий называл в тексте «сыном», младшего – «племянником». Из такого соотношения статусов князей был сделан вывод о том, что сын Шемяки Иван Дмитриевич равен по статусу старшему из суздальских князей и после смерти Васи-лия II и Дмитрия Юрьевича они имели бы равные пра-ва на великокняжеское достоинство [3. С. 451]. Хотя к середине XIX в. уже было известно, что термины кров-ного родства – это обозначение разницы или равенства статусов князей вне зависимости даже от возраста и условий ранее заключенных договоров. С другой сто-роны, соотношение статусов князей не было постоян-ным и от «докончания» к «докончанию» могло изме-няться. Помимо этого, отец упомянутых суздальских князей, и их дед, и даже их прадед никогда не были великими князьями Владимирскими, и это одно лиша-ло их всяких прав в данном вопросе.

Существует в построениях исследователя и проти-воречие, касающееся времени появления нового прин-ципа передачи старшинства. Из предшествующего тек-ста его «Истории России...» становится ясно, что но-вый порядок наследования великого княжения якобы сложился к 1425 г., но, повествуя о возведении в вели-кокняжеский сан в 1448 г. восьмилетнего Ивана Ва-сильевича (будущего Ивана III), автор вновь говорит о

необходимости «узаконить» новый принцип наследования старшинства. Возникает вопрос: когда и чьими усилиями происходит такое узаконение? Сделал ли это в 1389 г. великий князь Дмитрий Иванович или же в 1448 г. Василий II Васильевич?

Если обобщить взгляды исследователя, получится довольно размытая картина. Уже в середине – второй половине XIII в. рушатся традиционные механизмы взаимоотношений старших и младших князей и, как следствие, нарушается принцип наследования великого княжения. На смену «закону» приходит «право сильного» и лишь по прошествии ста – ста пятидесяти лет появляется новый принцип наследования как результат «узаконения» нарушения «старого» принципа.

В связи с этим остается несколько вопросов, не замеченных историками и впоследствии. Во-первых, как могло существовать сообщество русских земель на северо-востоке в течение столь долгого срока без более или менее четкой системы отношений. Во-вторых, как произошло «узаконение» незаконного способа передачи великокняжеской власти. В-третьих, почему это произошло именно в начале XV в. И наконец, завершился данный процесс к 1425 или к 1448 г. (времени объявления великим князем и соправителем отца Ивана III). Если говорить о предложенной исследователем системе аргументации в целом, приходится констатировать факт некорректного использования источников в целях поддержания априорной схемы.

Во многом сходной позиции придерживался и ученик С.М. Соловьева В.О. Ключевский. Если один из основателей государственной школы пытался создать универсальную систему для описания истории Северо-Восточной Руси, то его ученик создал схему только на основе процессов, происходивших в Московском княжестве, как они ему виделись.

Московские князья, с точки зрения исследователя, были всегда самыми младшими в потомстве князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо и по этой причине не могли занимать владимирский стол. Это привело к их повышенной агрессивности в отношениях с другими князьями, в том числе с великими [5. С. 12–13].

Уже в данной мысли историка можно обнаружить слабое место. Князь Даниил Александрович, от которого произошли московские Рюриковичи, имел весьма внушительные шансы на занятие великокняжеского стола в 1296–1303 гг. и не смог этого сделать лишь в силу роковой для этой ветви князей случайности.

Обращает на себя внимание и ничем не подтвержденное, но принятое историками утверждение о том, что все московские князья были противниками «старых» обычаев и родовых отношений [Там же]. Однако именно обычай стал основой в споре московского князя с суздальским за великое княжение в 1362–1364 гг. Так, Никоновская летопись, являвшаяся для историков XIX – начала XX в. основным летописным источником по данному периоду истории содержит замечание московского летописца о том, что князь Дмитрий Константинович Суздальский занял Владимир «не по отчине и не по дедине» [6. С. 231]. Мнение о том, что «московский князь враг всякому великому князю» также не имеет под собой оснований. В 1285, 1288, 1293 гг. московский князь Даниил поддерживал силой оружия ве-

ликого князя Дмитрия Александровича [Там же. С. 167, 169], а в 1297–1303 гг. был вполне лоялен великому князю Андрею, как и сын Даниила, князь Юрий, в 1303–1304 гг., а Иван Калита – великому князю Александру Михайловичу (представителю тверской княжеской семьи) в 1325–1327 гг.

В.О. Ключевский сделал одним из столпов для теоретических построений мысль о противостоянии «закона» и завещания в вопросах наследования, сформулированную представителями «юридической школы» историков. Историки исходили из априорного положения о том, что оба механизма наследования обязательно противоречат один другому, хотя логически такой вывод ни из чего не следует. Таким образом, установившаяся практика составления завещаний представлялась В.О. Ключевскому систематическим нарушением обычного права в данном вопросе.

Однако на протяжении XIV в. в завещания не было внесено ничего нетрадиционного, в так называемых «духовных грамотах» лишь уточнялись доли наследников. Отсутствие завещаний тверских, ростовских и прочих князей не говорит о том, что принципы наследования в других княжествах отличались от таковых в Москве. Вероятнее всего, до нас просто не дошли духовные других князей, так как их сохранение ставило бы под вопрос законность обладания этими территориями московскими государями после присоединения (практически всегда не добровольного).

Помимо этого, необходимо обратить внимание и на то, что в московской княжеской семье также было два примера передачи власти без завещания (во всяком случае, они не сохранились). Так, в 1303 г. Даниилу наследовал его сын Юрий, а после него, с 1325 г., в Москве княжил брат, Иван Калита.

Таким образом, о нарушении традиций наследования в Московском княжестве в XIV в. говорить затруднительно. Учитывая содержание духовных грамот, в логике В.О. Ключевского складывается ситуация, когда традиционной нормой наследования (без завещания) должен быть майорат, передача по прямой нисходящей линии, а нарушением традиции – передача власти путем завещания всем сыновьям. Такая ситуация принуждает отказаться от основной идеи юридической школы о противопоставлении «закона» и «завещания».

В связи с вопросом о порядке наследования исследователь обратил внимание на судьбу великого княжения. Ситуация была охарактеризована в традициях государственной исторической школы: «...в XIV в. под влиянием начал, на которых был построен удельный порядок владения, и Владимирское великое княжество утратило свой прежний родовой характер. В Духовной своей 1389 г. великий князь Дмитрий Донской благословил своего старшего сына этим княжеством как своею вотчиной, а внук его, Василий Темный, включил Владимирскую область в состав своей наследственной московской вотчины» [5. С. 34–35].

Данный тезис, конечно, в основном верен в части констатации конечной судьбы великокняжеских земель, но мысль, предшествующая данному утверждению, вызывает вопросы. Нет оснований считать, что родовой порядок исчез к моменту составления духовной грамоты великого князя Дмитрия Ивановича или

вскоре после этого. Дмитрий благословил великим княжением своего сына Василия, который был и старшим в роду. Помимо этого, стоит учитывать известное положение о том, что Василию Дмитриевичу должен был наследовать старший из оставшихся в живых братьев. Таким образом, есть основания утверждать, что родовой принцип сохранился. К 1383 г. права на великое княжение имели только московские князья и два тверских: Михаил Александрович, трижды получавший ярлык, и его старший сын Иван, «по отчеству и дедству». Но в этом году Тохтамыш дал тверскому князю ярлык на великое княжение Тверское [7. С. 82, 84], отделив его от Владимирского, после чего ситуация изменилась. К 1389 г. великими князьями владимирскими могли стать согласно традиции только представители московской княжеской семьи.

В связи с тем что родовые принципы отношений между князьями к концу первой четверти XV в. не исчезли, спорной оказывается и оценка династических войн 1425–1453 гг. как борьбы двух ветвей княжеского дома за единоличное преобладание [5. С. 42, 43].

Во-первых, князь Юрий Звенигородский действовал в полном соответствии с традицией. Во-вторых, в этих войнах на обеих сторонах участвовали представители и других ветвей княжеской семьи: князья Иван Можайский, Василий Серпуховской, в некоторой степени действующими лицами также были Михаил Белозерский и Константин Углицкий. Успех князя Юрия и его детей грозил, по мнению В.О. Ключевского, бесконечной усобицей [Там же. С. 42]. В этой связи не ясно, почему успех одного князя автоматически приводит к порядку, а другого – к хаосу. К сожалению, исследователь свои тезисы по данному поводу комментариями не сопроводил.

И наконец, он первым четко сформулировал идею нового порядка преемства великокняжеской власти. Он говорил о прецедентном характере создания «новой традиции» наследования великокняжеской власти: по мнению историка, новый принцип сложился в результате передачи в московском княжеском доме старшинства от отца к сыну в течение нескольких поколений в ситуации отсутствия живых младших братьев у первого к моменту передачи власти.

Таким образом, наследовалось, с его точки зрения, не только старшинство в семье, но и великокняжеский статус: «С Ивана Калиты в продолжение ста лет таким великим князем становился почти всегда старший сын предшествовавшего великого князя, у которого на минуту смерти обыкновенно не оказывалось налицо младших братьев» [Там же].

Между тем Иван Калита получил власть от брата, в следующем поколении власть также перешла от старшего (Семена Ивановича) к младшему (Ивану Ивановичу) брату. Возникает и частный вопрос о хронологии: откуда отмерять упомянутые сто лет? С 1328 г., когда Иван Данилович получил великое княжение, или с 1340 г., когда власть перешла к его старшему сыну Семену? Верхней хронологической рамкой должен быть 1425 г., дата начала династических войн, или 1446–1448 гг., когда начался их последний этап?

В любом случае мы насчитаем четыре случая передачи власти сыну, один из которых конфликтный, и два

случая передачи власти брату. Ко второму случаю можно отнести фактическое правление второго по старшинству брата в 1433 и 1434 гг. (в последнем случае он был официально признан) и правление двоюродного брата предыдущего великого князя в 1446–1447 гг., а это тоже прецеденты, которые не учитываются историками. В результате можно говорить о четырех случаях наследования от отца к сыну (причем в трех – без нарушения принципа старшинства) и о четырех переходах власти к брату (из которых более или менее спорный только последний). Если учитывать и тот факт, что князь Дмитрий Иванович не наследовал великое княжение после отца (в 1359–1363 гг. суздальский князь Дмитрий Константинович оспаривал право на владимирское княжение, причем в 1359–1361 гг. правил только он), случаев передачи великого княжения от отца к сыну остается только три. Бесспорных же передач по нисходящей линии две (от Ивана Калиты к Семену в 1340 г. и от Дмитрия к Василию I в 1389 г.).

Таким образом, известная мысль В.О. Ключевского о том, что случайность, повторяясь, становится прецедентом, который силой привычки превращается в обязательное требование, в правило [5. С. 42], не находит основательного подтверждения. Скорее наоборот. Более того, если прецедент в данном вопросе был возможен, становится неясным, почему он должен был сложиться к началу XV в., а не к середине XII в., когда передача старшинства в роду и вместе с ним Киева произошла дважды подряд: от Владимира Мономаха к Мстиславу Владимировичу в 1125 г., от Мстислава к Изяславу Мстиславичу в 1132 г. И в данном случае принцип старшинства действительно был нарушен, чего не было в течение почти ста лет после вокняжения Ивана Калиты.

Изменения в изучении вопроса казалось, должны были наступить в начале XX в. Государственная историческая школа на данном этапе подвергалась критике. Исследователи искали новые направления исследований, новые методы, все большее место, по крайней мере теоретически, начинал играть запоздавший в российской исторической науке позитивизм.

Особенно заметно это было в рамках санкт-петербургской школы. Наиболее ярким ее представителем, обратившим особое внимание на проблему образования единого русского государства, был А.Е. Пресняков.

С первых страниц своего исследования автор говорил о «социологическом догматизме» так называемой «юридической» школы, и, в частности, С.М. Соловьева и В.О. Ключевского [8. С. 48]. Но в то же время он повторял ранее созданные устоявшиеся схемы, отличавшиеся упомянутым догматизмом: «Постепенно нарастает агония великокняжеской власти старого типа; агония эта вызвана упадком интересов, которые питали потребность объединения, давлением татарской власти, усилением самостоятельности Великого Новгорода. Эти явления вырвали у Владимирских великих князей почву для усиления своей власти над младшими князьями и ее оправдания широкой политикой, которая была бы делом всей Северной Руси и питалась бы общими интересами Великороссии» [Там же. С. 49–50].

В данном случае можно говорить о том, что А.Е. Пресняков находился под очень сильным влиянием предшествующей школы. Он фактически взял на вооружение мысль С.М. Соловьева и снабдил ее другим набором предполагаемых причин ослабления великокняжеской власти. Наличие таких причин не было аргументировано. Единство, о котором рассуждал в своей монографии исследователь, было достаточно условным. Оно распалось не по причине влияния Орды или Новгорода, а потому, что с каждым новым поколением князей ветви рода расходились все дальше и имели все меньше династических связей и общих интересов. Так происходило и с потомством Ярослава Владимировича и Ярославичей в XI–XII вв., так произошло и с потомством Всеволода Юрьевича в XIII в. Время ослабления великокняжеской власти отнесено историком к последним десятилетиям XIII в., как и в работе С.М. Соловьева [8. С. 66–67].

Вместе с тем А.Е. Пресняков более или менее явно указывал на своеобразие норм политической культуры данного периода. Так, рассуждая о лишении боковых ветвей княжеского рода прав на великое княжение, он совершенно определенно утверждал: «Такое сужение круга возможных претендентов на старейший стол не новость в древне-русских междукняжеских отношениях; и ранее на киевском юге стремление ограничить этот круг пределами одной семьи возникало каждый раз, как на старшем столе появлялся сильный и деятельный князь» [Там же. С. 67].

Как ни странно, эту мысль он не относил к ситуации в Северной Руси в XIII–XV вв.: «Но в данном случае, – продолжает исследователь, – дело представляется более сложным; крупная и яркая сила Александра Ярославича грозит переломить в сознании следующих поколений представление о преемстве по Ярославе Всеволодовиче и выдвинуть новую тенденцию, новые притязания на исключительное преемство по Александре его потомков помимо боковых линий Ярославова дома» [Там же].

Характерно, что аргументов в поддержку такой идеи выдвинуто не было. В очередной раз сталкиваемся с ситуацией, когда историографическая традиция настолько сильна, что ради ее соблюдения два почти идентичных явления отечественной истории, если так можно выразиться, принудительно обособлены.

До смерти великого князя Андрея Александровича в 1304 г., с точки зрения историка, Владимировское великое княжество сохраняло старую форму и основы, но дальнейшие события определены им как «революционные» [Там же. С. 93–94].

Рассуждения автора о времени формирования и функционирования в Северо-Восточной Руси традиционного механизма наследования великокняжеской власти позволяют проследить этапы его эволюции, которые можно выделить от момента смерти в 1212 г. Всеволода Юрьевича, предка всех князей Северо-Восточной Руси, до 1304 г.

Система отношений складывалась в 1212–1218 гг., приняла заверченный вид к 1247 г., когда великий князь был впервые лишен престола младшим. В 50-х – 60-х гг. XIII в. Александр Ярославич начал ломать эту систему. А в 1280–1290-е гг. она, если следовать тек-

сту, уже находилась в кризисе. В 1304 г. происходит «революция».

Таким образом, «традиционная» система отношений между великим и младшими князьями существовала не более 60 лет, а если учитывать высказанную автором оценку деятельности Александра Ярославича (Невского) – не более 35 лет. То есть система междукняжеских отношений «погибала» едва ли не дольше, чем существовала в своем нормальном состоянии.

В отличие от своих предшественников, исследователь исходил из того, что время постановки вопроса о правах на великое княжение точно определить невозможно. Ссылка, которую традиционно делают на спорную по своему содержанию вторую духовную грамоту великого князя Дмитрия Ивановича (1389 г.), не являлась для него достаточным основанием датировки нововведений в изучаемом вопросе [8. С. 384]. Он полагал, что речь в конце XIV в. шла о замене традиции наследования великого княжения существовавшим одновременно семейно-вотчинным правом, регулировавшим наследование уделов [Там же. С. 385–386].

Именно сохранение семейно-вотчинных отношений в московском княжеском доме он считал причиной ослабления великокняжеской власти в Северо-Восточной Руси в период 1380–1425 гг. [Там же. С. 376]. Это же обстоятельство, с точки зрения историка, привело к династическим войнам, когда великое княжение стало рассматриваться как достояние семьи Дмитрия Ивановича, которое позволительно передавать по наследству [Там же. С. 385].

В этой связи характер действий с обеих сторон по существу не отличался, князь Юрий Дмитриевич Звенигородский опирался на завещание отца, что было проявлением семейно-вотчинных отношений.

Похожим образом оценены действия его противника: «Не великокняжескую власть высвобождает он (Василий Васильевич) из пут семейно-владельческой традиции, а только укрепляет вотчинное право на эту власть за личной своей семьей, за своим потомством» [Там же. С. 417].

Не согласиться с такой оценкой невозможно, однако с ней не вяжется отождествление великокняжеской власти только с Василием II, но не с его оппонентами [Там же. С. 402–403].

С учетом вышесказанного работа А.Е. Преснякова создает весьма неоднозначное впечатление. Исследователь прямо указывал на факты, не позволяющие согласиться с трактовкой событий XIII–XV вв. в Северо-Восточной Руси, предложенной государственной школой. Вместе с тем можно увидеть очень сильное влияние этой школы и, в частности, С.М. Соловьева. Идея сохранения семейных принципов наследования не нашла развития ни в работах самого исследователя, ни историков, работавших в более поздний период. Последнее во многом объясняется преобладанием социально-экономического аспекта в изучении истории в советский период и отсутствием выраженного интереса к политическим аспектам истории данного периода.

Советские историки приняли построения своих предшественников по умолчанию и к данной проблеме почти не обращались. Видимо, по этой же причине аргументация и теории историков XIX – начала XX в. не

подвергались критическому анализу в более поздний период.

Так, Л.В. Черепнин обратил внимание на вопрос о великокняжеской власти и ее наследовании только в связи с изучением обстоятельств создания духовной грамоты великого князя Дмитрия Ивановича и причин династических войн (феодалов войны) в Московском княжестве во второй четверти XV в. В данном вопросе исследователь придерживался вполне традиционной точки зрения, хотя предложил оригинальный аргумент в ее поддержку [9. С. 61–62]. Неопределенность формулировки третьей духовной грамоты Василия Дмитриевича (1423 г.) относительно наследования великого княжения его сыном Иваном историк объяснил тем, что этот великий князь был первым, кто не отправил свое завещание на утверждение в Орду [9. С. 92]. Из этого следует, что исследователь не придавал значения содержанию духовных грамот, указывающих на отсутствие нового принципа наследования великого княжения. Наблюдения А.Е. Преснякова также в некоторой степени остались без внимания.

С точки зрения автора, духовная грамота Дмитрия Ивановича сама по себе ничего не изменила. Напротив, она сама – результат изменений, произошедших в 70-х – 80-х гг. XIV в., когда соседние княжества, Литва и Орда, признали великое княжение Владимирской вотчины московского княжеского дома [Там же. С. 60]. Интересно, что Л.В. Черепнин упоминает не об исключительных правах Василия Дмитриевича, а о правах «дома». Это не означает, однако, что историк возражал сторонникам устоявшихся взглядов. Право следующего по старшинству брата на наследование великого княжения после Василия обосновывается лишь внешнеполитическими связями последнего, которые трактовались как скрытая опасность со стороны Литвы. Конфликт Василия II с представителями галицкой ветви потомков Дмитрия Ивановича Л.В. Черепнин вслед за В.О. Ключевским рассматривал как борьбу за окончательное приобретение победителем великокняжеского статуса с целью передачи его своим потомкам по прямой линии. Причем уже претензии князя Юрия Дмитриевича не воспринимались исследователем как законные. «Юрий занял Москву и объявил себя великим князем», – писал он. Возможности удержаться в Москве у галицких князей не было [10. С. 757, 762].

Схожим образом рассматривал вопрос о порядке наследования великокняжеского стола и А.А. Зимин, развивая ряд идей и наблюдений Л.В. Черепнина. Вопрос о правах Юрия и тем более его детей на старшинство он, как и его предшественники, даже не поднимал. Их деятельность воспринималась исследователем как попытка реанимации умершей традиции [11. С. 59, 105]. Новый порядок наследования, с его точки зрения, к началу XV в. уже существовал. Новых аргументов или точек зрения по изучаемому вопросу советские историки не представили, приняв построения исследователей, работавших в XIX в. Оценка А.А. Зиминим галицких князей как выразителей прогрессивных тенденций общественного развития, а их оппонента как выразителя интересов феодалов, стремившихся к закреплению крестьян, не меняет общей картины в интересующем нас вопросе.

Ю.Г. Алексеев в своих работах, посвященных деятельности Ивана III, бегло коснулся проблемы в связи с династическим кризисом рубежа XV–XVI вв. Оба варианта наследования (Дмитрий Иванович (внук) и Василий-Гавриил – старший сын Ивана Васильевича от брака с Софьей Палеолог) трактуются в его работах как передача великокняжеской власти по прямой нисходящей линии. Выбор в пользу второго объяснялся прагматическим соображением – избеганием ушибов между внуком великого князя, с одной стороны, и сыновьями – с другой [12. С. 207–208]. Исследователь, обратив внимание на саму возможность конфликта, не остановился, однако, на возможных его причинах. Предпочтение в пользу Василия-Гавриила (будущего Василия III) было, по сути, выбором в пользу старшинства, а не прямой нисходящей линии. Старший сын Ивана III от второго брака к 1505 г. оставался старшим в семье. Можно допустить, что Василий III и его отец не предполагали соблюдения принципа старшинства, но новый великий князь был вынужден принимать меры против возможных претензий своего брата (второго по старшинству) Юрия. Уже в 1504 г. был заключен договор, согласно которому второй из братьев отказывался от великого княжения в пользу детей Василия, которых тому «даст... бог» [1. № 90, С. 364, 365, 366, 367, 368–369], в 1531 г. соглашение было продублировано, и Юрий отказался от претензий на старшинство непосредственно в пользу Ивана, сына великого князя [1. № 101, С. 416, 418]. В декабре 1533 г. дмитровский князь, как известно, попытался занять великокняжеский стол.

В постсоветской историографии вновь появился некоторый интерес к политическим вопросам русского средневековья и, в том числе, к принципам наследования уделов и великого княжения. Однако серьезных изменений в сравнении с более ранними исследованиями не произошло. Я.С. Лурье обратил внимание на спорность целого ряда устоявшихся положений касающихся русской истории XV в., коснувшись в числе прочего и вопроса о великокняжеской власти и ее принадлежности московским князьям. Но его наблюдения, имеющие, по сути, форму заметок, на данном этапе развития не получили [13].

Большинство современных исследователей продолжает придерживаться устоявшейся точки зрения. Наиболее ярким примером являются исследования Н.С. Борисова. Даже не обращаясь к вопросу о порядке наследования, автор, как и многие другие, использует обороты речи, указывающие на его позицию. Так, выступления Юрия Звенигородского, Василия Косого и Дмитрия Шемяки обозначены им как «галицкий мятеж» [14. С. 150]; упомянутые события 1497–1502 гг. – это «...спор двух наследников по прямой линии» [Там же. С. 612], хотя корректность такой формулировки можно поставить под вопрос.

Несколько особняком стоят работы С.А. Мельникова [15, 16]. Его построения полностью основаны на теоретических положениях последних представителей юридической школы. По сути, можно говорить о попытке своего рода «реанимации» государственной школы с некоторыми изменениями и дополнениями культурологического плана. Так, исследователь осно-

ывається на ідеї протипоставлення наслідування «по закону» і «по заповітанню» [15. С. 103; 16. С. 19].

Так же як і В.О. Ключевський, він говорить про відсутність бокових гілок в московській князівській родині як важливому політичному факторі, впливав на престолонаслідування [15. С. 105]. Виходячи з цього, С.А. Мельников прийшов до несподіваного висновку про те, що «Москва до кінця XIV в. не знала наслідування престолу по заповітанню». До цього часу, вважає він, в Москві не було розроблено принципу наслідування влади [15. С. 105; 16. С. 118].

Така ідея породжує цілий ряд запитань. Насамперед, наведений в цитаті твердження про меншій мірі некоректності, оскільки в 1389 г. московські князі створили шість текстів духовних грамот. Крім того, відсутність принципу наслідування повинно було призвести до конфліктів між наслідниками, подібно подіям 975–980 гг. і 1015–1024 гг. Нарешті, згадана формулювання передбачає наявність в кожному руському князівстві своїх особливих традицій наслідування престолу, з чим неможливо погодитися.

Теорія С.А. Мельникова має одне корінне відміння від поглядів предшественників. Якщо історики XIX – початку XX в. говорили про новий і старий порядок наслідування великого князівства, один з яких, з їхньої точки зору, був уже застарілим, то в роботах С.А. Мельникова обидва принципи представлені як співіснуючі [15. С. 105; 16. С. 113], чого в дійсності бути не може.

Звертає на себе увагу і окремий момент – механізм передачі влади по прямій нисхідній лінії. Дослідник вважає, що таку роль грав інститут опікунства. Те, що воно призводило до передачі влади від великого князя-отця до великому князю-сину, неперечно. Однак при вивченні конкретного матеріалу стає очевидним, що опікунство великих князів в Московському князівстві в XV в. не було інститутом або системою, це скоріше набір окремих випадків, не пов'язаних між собою. Василь II був змушений оголосити опікуном восьмилітнього сина Івана за вимогою тверського великого князя Бориса Александровича, під чийим впливом перебував осліплений правитель. На даний обставину прямо або косово вказують літописи тверського походження [17. Стб. 493].

З'явлення у Івана III опікунів в особі його сина Івана Івановича Молодого, а потім внука Дмитрія Івановича і старшого сина від другого шлюбного Василя-Гавриїла також викликані різними, не пов'язаними між собою обставинами.

В першому випадку справа, очевидно, повинна йти про імітацію батька, який, як відомо, зіткнувся з серйозним опротивленням братів великого князя. В цьому випадку механізм опікунства батька і сина в цілях передачі великокнязівської влади показав свою неефективність.

Два інших опікунів – результат конфлікту при дворі великого князя в ситуації відсутності конкурентів у його роду.

Можливо погодитися або не погодитися з багаточисленними спостереженнями і висновками істориків о

причинах рішень Івана III в 1497–1502 гг., але в будь-якому випадку сталося, що він порушив принцип (якщо він існував) передачі влади по прямій нисхідній лінії, надавши перевагу другому по числу (від їх загального числа) сину вдові і сину померлого великого князя. Принципи наслідування великого князя в той момент не цікавили нікого, або він віддавав перевагу старшинству.

Щодо опікунства батька і сина можна сказати ще одне зауваження. Якщо воно було способом передачі влади своєму сину, то це визнання незаконності такого наслідування. Найбільш яскравим прикладом в цьому плані є поведінка перших семи Капетингів.

Засновник династії герцог Франції і граф Паризький був обраний королем особисто, знати не передбачало передачі їм влади по спадку. В 989 г. він своїм рішенням оголосив свого сина королем-опікуном. Нарешті раз так влада переходила від Людовика VI до Людовика VII. Лише після того як Капетинги породнились з потомками Каролінгів, їх влада стала законною в їхніх власних очах і очах знаті.

Підводячи підсумок, можна сказати про те, що ідея наслідування великого князівства по прямій нисхідній лінії була чітко сформульована в першій чверті XIX в. зусиллями Н.М. Карамзіна в результаті невдачі при трактуванні міжкнязівського договору. Ідея була розвита і отримала систему аргументації істориками, або відносячись до державної історичної школи, або перебуваючи під її впливом. Основні аргументи були запропоновані С.М. Соловйовим і узагальнені В.О. Ключевським.

Представитель Петербурської школи А.Е. Пресняков в основному прийняв існуючу схему, хоча його власні спостереження відносно живої так званого родинно-господарського права показали неточність висновків його предшественників. Російські історики за мовчанням прийняли схему минулих часів. Особливості позицій Л.В. Черепніна і А.А. Зимина принципово на сприйняття даної проблеми не впливали. Без уваги залишилася відмічена останнім живучість «старих» представлень про наслідування влади ще в 40-х гг. XV в.

Схема, запропонована державною історичною школою, з деякими змінами відтворена і в дослідженнях 1990-х – 2000-х гг. Крім того, в окремих випадках можна спостерігати цілеспрямоване повернення до ідей, якщо не засновників школи, то пізніших її представників.

Культурологічна складова таких робіт не привела до якогось-будь серйозного розвитку даного питання. Скоріше можна говорити про певному переважанні робіт радянського періоду в концептуальному плані. В цілому справа йде про повернення до столітньої давності при відсутності нових аргументів і джерел, які б підтвердили старі схеми.

Складившись в історіографії ситуація свідчить про необхідності пошуку нових підходів і перегляду представлень про міжкнязівські відносини і, в частині, про механізми наслідування земель і влади, а також комплексного аналізу духовних грамот руських князів XIV–XVI вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.* (ДДГ) / под ред. Л.В. Черепнина. М., 1950.
2. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М. : Наука, 1993. Т. 5. 560 с.
3. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен : в 18 кн. М. : Голос, 1993. Кн. 2. 768 с.
4. *Полное собрание русских летописей* (ПСРЛ). Т. 12 : Никоновская летопись. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1901. 267 с.
5. *Ключевский В.О.* Сочинения : в 9 т. М., 1988. Т. 2.
6. ПСРЛ. Никоновская летопись. СПб. : Тип. Министерства внутренних дел, 1885. Т. 10. 246 с.
7. ПСРЛ. Никоновская летопись. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1897. Т. 11. 254 с.
8. *Пресняков Е.А.* Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918. VI. 458 с.
9. *Русские феодальные архивы XIV–XV веков* Ч. 1. (РФА) М., Л. : Изд-во АН СССР, 1948. 472 с.
10. *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства. XIV–XV вв. Очерки социально-экономической и социально-политической истории Руси. М. : Соцэкгиз, 1960. 899 с.
11. *Зимин А.А.* Витязь на распутье. Феодальная война в России XV века. М. : Наука, 1991. 286 с.
12. *Алексеев Ю.Г.* Государь вся Руси. Новосибирск : Наука, 1991. 240 с.
13. *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб. : Дмитрий Буланин, 1994. 240 с.
14. *Борисов Н.С.* Иван III. М. : Молодая гвардия, 2003. 644 с.
15. *Мельников С.А.* Наследование престола на Руси и принцип соправительства как факторы централизации // Вопросы истории. 2001. № 11–12. С. 102–108.
16. *Мельников С.А.* Правовой режим наследования престола в древней Руси IX – начала XVI в. Историко-правовое исследование. М. : Информ-Знание, 2009. 224 с.
17. ПСРЛ. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб. : Тип. Леонида Демиса, 1865. Т. 15. 267 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 июля 2011 г.